ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, 2016, том 86, № 2, с. 99–107

НАУКА
И ОБЩЕСТВО

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ И ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2016 г. В.В. Миронов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: vlamironov@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.04.2015 г.

Процессы глобализации оказывают существенное воздействие на развитие мировой цивилизации. В рамках транснационального рынка доминирующими становятся интегративные тенденции, они могут значительным образом повлиять на трансформацию культуры. Локальный характер культур, связанный с особыми формами коммуникации между ними, разрушается, происходит становление глобального коммуникационного пространства, в которое погружаются все культуры. Это приводит к процессам трансформации культуры на всех её уровнях: от индивидуального сознания до экономики, политики и философии. Одним из важнейших компонентов, задававших рамки построения государства, всегда являлось право, опирающееся на особенности культуры той или иной страны. Глобализация ведёт к деформации взаимоотношений между национальной и международной системами права, создаёт предпосылки для формирования такого типа мирового сообщества, которое при внешне демократической политической структуре по сути выступает как глобальный тоталитаризм. Всё это требует широкого философского анализа проблем развития как культуры в целом, так и разнообразных её уровней.

Ключевые слова: глобализация, трансформация культуры, транснациональный рынок, мировой порядок, национальное право, международное право, философия, экономика, культура, демократия, тоталитаризм, объединение Германии, Европейский союз.

DOI: 10.7868/S0869587316020092

Глобализация не является каким-то неожиданным и уникальным всплеском в развитии человеческой культуры, скорее, она представляет собой составную часть общего процесса, который, по мнению ряда исследователей, можно отсчитывать с возникновения мировых религий и международных торговых сетей. Вектор глобализации, безусловно, не носит линейного характера. Он сам модифицируется, в том числе под воздействием прогресса в области коммуникационных технологий, значительно усиливающих влияние интегративных процессов на общество, которое начинает изменяться системно, реализуя процессы нового структурирования и стратификации [1].

МИРОНОВ Владимир Васильевич – член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Глобализация накладывает отпечаток как на характер развития культуры в целом, так и на диалог отдельных культур. Взаимодействие между ними начинает осуществляться в рамках формируемого глобального коммуникационного пространства, что отражается на каждой из культур. В данной статье мы рассмотрим процесс трансформации всей системы культуры и деформации таких её уровней, как экономика, политика и право под влиянием глобализации [2, 3].

Мировые интеграционные тенденции ведут к формированию единой экономической и производственной системы, основанной на усилении роли транснациональных взаимодействий. Производство товаров и услуг становится неким единым процессом, не подразумевающим разделения на национальные регионы, в нём участвуют одновременно представители многих стран, разных культур, традиций и религий. Их объединяет коллективный характер мирового производства. В этом смысле не будет большим преувеличением сказать, что производимый продукт сегодня во

многом есть результат транснационального коллективного творчества и труда. И так же естественно, что в мире складывается своеобразное разделение труда. В одной стране вырабатываются теоретические идеи, в другой – технологические решения, третья обеспечивает "людской материал", необходимый для обеспечения производства.

Глобальное разделение труда детерминирует распределение доли прибыли, концентрирующейся в большей степени в тех странах, которые обеспечивают наибольший научно-технологический вклад в производство, и поэтому сами могут быть отдалены пространственно от производства как такового. Страны, участвующие в непосредственном выпуске товара и использующие при этом собственные людские ресурсы, получают значительно меньшую прибыль, что порождает соответствующую систему противоречий.

Таким образом, транснациональный рынок формирует специализированные производственные сектора, в системе которых каждая страна должна (или обречена) занять своё место. Менее развитые в области науки и технологий оказываются на вспомогательных ролях, а ведущие в технологическом отношении выдвигаются на главные роли и заинтересованы в стабильном состоянии данной экономической и производственной конфигурации, поэтому всячески препятствуют её изменению.

Такая противоречивая система не может быть устойчивой, так как страны "периферийной" зоны стремятся в тот или иной момент перейти в группу лидеров. Для управления этой сложной и хрупкой структурой необходим доминирующий лидер (страна или группа стран), наделённый особыми полномочиями и возложивший на себя ответственность за функционирование системы в целом. Сохранение равновесия может быть достигнуто за счёт удерживания тех или иных стран на периферии транснационального рынка как силовым способом, так и за счёт "развращения" финансовой и иной поддержкой, фактически закрепляющей стагнацию их собственного развития. Перемещение из периферийной зоны в зону лидеров весьма затруднительно, и тенденция состоит в том, что доминирующий лидер старается сделать такое перемещение невозможным.

Полному и окончательному закреплению сложившейся ситуации противостоят быстроразвивающиеся страны – и находящиеся внутри периферийной зоны транснациональной системы, и в особенности не полностью включённые в эту систему, прежде всего из-за независимости своей политики и своего политического устройства. Это порождает новые противоречия. Например, в настоящее время КНР не может устраивать роль "поставщика производственных услуг", получающего относительно небольшую долю прибыли. Из страны, выпускающей товары по технологиям других стран, Китай на глазах превращается в производителя новых технологий, который в силу огромного населения закрепляет за собой мировой приоритет в производстве товаров. Более того, учитывая наработанный опыт массового производства "чужих" товаров, Китай, безусловно, окажется лидером и в выпуске товаров по своим технологиям, что придаст дополнительный импульс экономическому скачку. Стремительно развивающаяся страна претендует на роль лидера, причём, быть может, всей будущей глобальной экономической системы. В геополитическом смысле это необходимо учитывать, в том числе прогнозируя достаточно неожиданные последствия интеграционных процессов. Смена политического режима в Китае может привести, к примеру, к такой кажущейся сегодня экзотической модели, как интеграция экономики Китая и США, несмотря на все идеологические и культурные различия, ибо их финансовая и технологическая взаимозависимость непрерывно усиливается.

Декларируя всеобщую и равную конкуренцию, транснациональный рынок заинтересован в закреплении жёсткой специализации. Например, для этого рынка желательно, чтобы нефтедобывающие страны продолжали специализироваться именно в этой области. В таком случае они останутся в группе стран, получающих всяческую поддержку (технологическую, финансовую и прочую), лишь закрепляющую сырьевую структуру экономики. Этому способствуют новые возможности перемещения не только товаров, но и идей, реализация которых часто невозможна в стране, их создающей, а также людей, которые могут обеспечить воплощение этих идей. Иначе говоря, свобода конкуренции весьма относительна, учитывая жёсткое зонирование экономики и строгие пределы допуска к технологиям. Когда "узкоспециализированные" страны пытаются изменить конфигурацию своего хозяйства, они получают жестокий отпор, вплоть до прямого военного вмешательства.

Население многих стран (прежде всего периферийной зоны), включённое в процесс капитализации, в том числе и в сфере производства научных технологий, оказывается в ситуации как финансового, так и психологического дискомфорта. (Мы здесь не касаемся общей миграционной проблемы в западных странах, где не хватает не только специалистов высокого класса, но и людей, готовых выполнять любую, даже не требующую какой-то квалификации работу.) Развитые страны стимулируют въезд молодых специалистов, прежде всего в области новейших технологий. Молодые специалисты переезжают в эти страны, чтобы обеспечивать себе соответствующий уровень жизни. На родине их возможности ограничены именно в силу сырьевой специализа-

ции экономики. Миграционный процесс не носит, как может показаться, стихийного характера, – квоты расширяются для иностранцев, имеющих хорошее образование в наиболее затребованных сферах производства.

Например, Германия многие годы поддерживала очень большие квоты для учёных в целом и специалистов в области информационных технологий в особенности, причём с облегчением для них процесса выдачи в дальнейшем вида на жительство и упрощённого получения гражданства. Начиная с 2012 г. квоты были вообще отменены. "В определённых профессиях и регионах нехватка специалистов очевидна. Поэтому Германия оформила требуемое Европейским союзом введение голубой карты для специалистов как можно более либерально. Можно было бы создать квоты или ограничения, но от этого осознанно отказались, исходя из политического понимания того, что Германия нуждается в иммигрантах. Однако применение новых правовых возможностей ещё явно отстаёт от необходимого уровня. В последние два года было выдано приблизительно 14000 голубых карт" [4, S. 52, 53].

Высококлассные специалисты "оседают" в развитых странах, тогда как страны периферийной зоны их теряют, будучи вынужденными в то же время широко открывать двери для миграционных потоков, обеспечивающих заполнение вакансий по рабочим специальностям и в сфере обслуживания. При этом по соображениям финансовой целесообразности предпочтение отдаётся мигрантам, тогда как собственные специалисты пополняют рынок безработных. В том же случае с Германией специалист-мигрант, обладающий "признанным образованием или дипломом о высшем образовании", всегда имеет потенциальное рабочее место с окладом в год около 40000 евро – "в так называемых профессиях с нехваткой рабочей силы, например, в области ИТ или медицины" [4, S. 52]. Тем самым ситуация разделения мирового транснационального рынка на зону стран-лидеров и периферийную зону ещё более закрепляется.

Суммируя вышеперечисленное, можно сказать, что миру навязывается модель, в которой каждая страна должна оставаться в отведённой для неё нише, что, как утверждают идеологи этой модели, должно обеспечить стабильность мировой экономической системы и процветание каждой из стран, тогда как любое изменение иерархии принесёт, по их убеждению, лишь беды и несчастья, поэтому следует жёстко подавлять попытки вырваться из "нового мирового порядка ниш". Обеспечение такого порядка – главная функция "доминирующей" страны, каковой в настоящее время выступают США. Таким образом, формируется пространство будущих социальных конфликтов и противоречий как между складывающимися конфигурациями разделения транснационального рынка на зоны специализации, так и внутри каждой из этих зон.

Сторонники гиперглобалистической модели рассматривают происходящие в обществе процессы и само нынешнее мировое устройство как позитивную тенденцию, утверждая, что реализация её принципов обеспечивает начало новой эпохи человеческой истории. Абсолютизация позитивного характера экономической интеграции и тех удобств и выгод, которые она приносит, ведёт к распространению подобной модели и на культуру в целом. Подразумевается, что отдельные культуры должны растворить в возникающей общемировой системе. В рамках такого подхода заведомо обозначаются лидеры современной цивилизации, страны-победители, успевшие войти в вагон стремительно уходящего состава глобализации, и страны-неудачники, вынужденные играть в условиях нового мирового порядка вспомогательную роль. "Поскольку национальная экономика всё в большей степени становится лишь ответвлением межнациональных и глобальных потоков, противостоящих национальной социально-экономической деятельности, полномочия и легитимность национального государства ставятся под вопрос: национальные правительства всё менее способны контролировать то, что происходит внутри их собственных границ, или самостоятельно удовлетворять требованиям своих граждан" [1, с. 5]. Именно из этой установки вытекает усиливающаяся в последнее десятилетие политика оправдания вмешательства в суверенные дела государств со стороны стран-лидеров.

Стремление идеологов глобализации скрыть её отрицательные стороны усиливает позиции антиглобалистов, абсолютизирующих негативные следствия наблюдаемых тенденций. Центральным в их позиции становится тезис о том, что глобализация не столько объединяет мир, сколько обостряет имеющиеся противоречия, порождая глобальное неравенство и усиливая дезинтегративные процессы. В частности, именно глобализация "способствует развитию фундаментализма и агрессивного национализма, что в свою очередь... разделяет мир на цивилизационные блоки и культурные и этнические анклавы" [1, с. 7].

Поскольку глобализация представляет собой конструкцию нового мирового порядка, в котором должна доминировать группа наиболее развитых стран, то осуществляется своеобразная "подгонка" системообразующих компонентов государства под единую модель господствующего лидера, а это прежде всего экономические, правовые и образовательные рамки, за которыми неизбежно последуют изменения в самой культуре. Мессианская роль лидера в силу расширения сферы влияния на иные страны, в том числе и благодаря новейшим коммуникационным техно-

логиям, неизбежно будет возрастать и становиться всё более жёсткой, в то время как поляризация будет увеличиваться. Этим и объясняются события последних лет – от реальных военных действий по изменению или поддержке того или иного режима до форм "мирного" воздействия типа "оранжевых революций", трансформирующих политическую систему изнутри.

"Мирные" формы политической глобализации оказываются модификацией "старых" войн, с той лишь разницей, что реальные пространства захватываются изнутри, путём трансформации политического устройства того или иного государства под заданные параметры. В рамках современного глобального коммуникационного пространства такие способы воздействия становятся даже более эффективным средством политического (а значит, и территориального) захвата, с меньшим количеством жертв и применением нового "оружия" – эффективной масс-медийной пропаганды, поддерживаемой населением и воспринимаемой им как реализация их собственных демократических устремлений. Поэтому протест против происшедшей смены власти или политического режима всегда запаздывает, начинается тогда, когда система уже трансформирована и работает по иным законам. Одна из "мирных" форм политической глобализации была реализована при так называемом объединении Германии, то есть ещё задолго до серии "оранжевых революций" [5].

Этот своеобразный тип интеграции мы обозначаем термином "интеграция-захват"[1]. Её особенностью являются чрезвычайная скорость и жёсткость проведения, становящиеся сегодня распространёнными технологиями смены власти в том или ином государстве. Даже лояльно настроенные немецкие исследователи называют это "экзогенным типом" трансформации государства: она обеспечивается и детерминируется внешними факторами. Такая трансформация возможна путём не только политической, но и финансовой поддержки. Именно в рамках объединения Германии подобная трансформация была сочтена необходимой. Что же касается специфики "экзогенного типа" трансформации, то особенность её состояла в том, что оппозиция, которая в то время только набирала силу в ГДР, не получила финансовой и политической поддержки, ибо, как и большая часть народа, вовсе не стремилась к "воссоединению": её представители были настроены, скорее, на изменения внутри страны и на построение в ней демократического общества. Это не устраивало Запад, поэтому "роль реформатора была выполнена внешним актором, а именно – руководством прежней ФРГ" [7, с. 25]. "Мы хотели справедливости, а получили правовое государство, – таким образом оценила это событие одна из видных правозащитниц бывшей ГДР Б. Болей. – Ожидая справедливости... люди сталкивались с применением норм законодательства, которые в силу своего общего характера во многих случаях узаконили несправедливость" [8, с. 219]. Немецкий историк О. Данн утверждал, что "объединение Германии осуществлялось в 1990 г. как объединение сверху. Элемент народного участия в том виде, как его предусматривала статья 146 Конституции, в нём почти полностью отсутствовал" [9, с. 367].

В соответствии с договорённостями о создании социального союза на ГДР было распространено законодательство ФРГ. Это означало прямое распространение правовой системы одной страны (ФРГ), которая достаточно долго её выстраивала после войны, опираясь на собственные мотивы и традиции развития, на пять новых федеральных земель другой страны (бывшая ГДР), которая за это время также приобрела собственные традиции и мотивации, в том числе базирующиеся на своеобразной конкуренции, а значит, и на своеобразном противостоянии двух немецких государств. Причём как раз в социальной сфере успехи ГДР часто были предметом зависти не только со стороны других социалистических стран, но и со стороны жителей ФРГ. Таким образом, правовая система ГДР, которая была легитимна с позиции международного права, оказалась вне правового пространства, что породило целый ряд юридических казусов и сомнительных судебных процессов, в частности, по отношению к бывшим политическим деятелям, которые вполне легитимно выполняли свои функции (подписывая международные соглашения, в том числе и совместно с политиками ФРГ), но были осуждены по законам другой страны.

Сегодня именно этот "усовершенствованный" правовой механизм реализуется при создании единого правового европейского пространства, когда правовые особенности отдельных стран игнорируются, их вынуждают подчиняться правовым нормам Европейского союза. В основе принятия такого рода решений во многих случаях лежит постулат, согласно которому адаптация различных социальных и экономических систем может, а точнее, должна, произойти достаточно быстро (как было в случае с ГДР). Но часто оказывается, что именно этого-то и не происходит, а в изменениях и реформах, которые навязываются теоретическими моделями, вовсе не учитывается фактор того, что различия систем находятся в плоскости не только экономики и политики, но и в более глубокой – в плоскости культуры. И это различие проявилось в процессе интеграции двух

[1] Немецкие исследователи используют ещё более эмоциональный образ, а именно – "вражеский захват" ("Feindliche Übernahme") [6].

немецких государств, несмотря на, казалось бы, их культурную идентичность.

Криста Вольф, одна из самых популярных писательниц ГДР, дала одному из своих романов название "Расколотое небо" (1963), подчеркнув этим единство немецкой культуры, которое было расколото политическими реалиями на два мира. Она была одной из тех, кто стоял в рядах оппозиции, мечтая о реформе ГДР. Но её судьба, как и судьба большинства оппозиционеров, оказалась весьма печальной: они были "смыты" процессами объединения, а многие из них оказались несправедливо обвинёнными в сговоре с исчезающим государством. Однако именно в общекультурном смысле, несмотря на всю метафоричность образа "расколотого неба" над Германией, «после своего объединения ФРГ остаётся расколотой по оси Восток–Запад. Одно государство, но два общества, две коллективные идентичности... Недостатки структурного равновесия и культурно-ментальные различия, скорее, не исчезли, а ещё больше увеличились... Восточные и западные немцы, у которых много общего друг с другом, создали тем не менее две разные идентичности. "Разрыв менталитетов" между восточными и западными немцами даже расширился» [10, с. 385, 386].

В ходе объединения Германии оптимистам казалось, что удастся достаточно быстро повысить эффективность использования экономических ресурсов, а это в свою очередь приведёт к резкому всплеску экономической активности: западный капитал потечёт в новые земли, как грибы будут расти новые промышленные предприятия, возникнет огромный рынок труда. Однако этого не произошло. Законы конкуренции как важнейшая основа развития капитализма показали, что западному капиталу оказалось не очень-то выгодно идти в бывшую ГДР, и причина прежде всего в тех условиях и законах, которые действуют в ФРГ, причём не только чисто экономических, но и социальных. Модель "догоняющего развития", в отличие от её реализации в самой ФРГ после Второй мировой войны, при воссоединении двух немецких государств не сработала. Вместо того чтобы сообща принять новую германскую Конституцию и создать общую республику на основе синтеза лучших сторон социальных систем обоих государств, Германия пошла по пути "воссоединения" как упрощённого типа интеграции. Таким образом, произошло не объединение двух стран как некий синтез двух социальных систем, а подчинение одной системы, которая была определена как плохая, другой, которая позиционировалась в качестве передовой.

В результате на территории западных земель возникли трудности, связанные с перераспределением финансовых потоков, что сразу сказалось на социальных программах, традиционно сильных в Германии. А восточные земли получили весь спектр проблем, о которых они забыли при социализме (утерянная гарантия работы, недоступные ясли и детские сады и т.д.). Более того, именно фактор воссоединения стимулировал процессы свёртывания социальных программ в Германии в целом. Модель "благосостояния для всех" Л. Эрхарда, обозначаемая как социальная рыночная экономика, была существенно деформирована. А поскольку события в Германии совпали с крушением всего лагеря социализма, то, как это ни покажется странным, капитализм, не имея конкурента в лице социализма, как бы мы ни оценивали его результаты в конкретной стране, в каком-то смысле возвратился к своему классическому образцу, хотя и в иных условиях[2].

Вместо "догоняющей" модернизации мир получил модернизацию "подражательную", которую позже навязали и России. Глобальный прагматизм западногерманского капитала оказался выше национальных, внутренних интересов Германии. Культурная идентичность немецкой нации потерпела поражение перед глобальным экономическим сообществом. Экономическая практика ФРГ последних лет показала, что цель политиков – выравнивание уровня жизни восточных и западных немцев – оказалась трудновыполнимой. Более того, на уровне массового сознания в стране сегодня возникают совершенно невероятные ностальгические мотивы, вплоть до восстановления Берлинской стены[3].

Скорость объединения была столь велика, что обошлись даже без юридического оформления изъявления "воли народа" как результата референдума или чего-то подобного. Очень эмоционально передал эту ситуацию известный немецкий писатель Патрик Зюскинд в своём памфлете, опубликованном в 1990 г.: "Случилось землетрясение, не иначе... Меня охватывает смутное беспокойство. Не тот старый страх, что Германии угрожает рецидив варварства и мании величия 30-х и 40-х годов. Но всё же опасение, что в её недрах могут таиться тяжёлые социальные конфликты, много зависти и лютой обиды, а там дальше, не у нас, а на Востоке, где распадается советская империя, могут вызреть новые войны, в том числе гражданские. Да, и ещё мне становится

[2] Кстати, именно этим объясняется проснувшийся интерес к теории К. Маркса, ибо многие выводы относительно классического капитализма, которые, как казалось многим исследователям, ушли в прошлое, неожиданно "вернулись" в новых условиях.

[3] Опрос, проведённый социологической службой Forsa по заказу немецкого журнала "Штерн", показал, что через 15 лет после падения Берлинской стены 21%, то есть каждый пятый гражданин Германии, считал, что было бы лучше, если бы Берлинская стена сохранилась. Характерно, что в западных землях таких людей больше, чем в восточных, – 24% [11].

немного грустно при мысли о том, что больше не будет на свете невзрачного, маленького, нелюбимого, практичного государства – Федеративной Республики Германии, в которой я вырос" [12, с. 262]. Это – восприятие западного немца, но точно так же сожалеют о потерянной родине и восточные немцы, которые "тоскуют по своей прежней, серой, ненавистно-прекрасной, защищённой от ветра ГДР. После того как принц разбудил Спящую красавицу своим поцелуем, господа и слуги, солдаты и кухарки, молодые и старые и даже мудрецы замка были вынуждены пробудиться ото сна" [13, с. 258].

Схожие последствия указанных интеграционных процессов наблюдаются в современной Европе в связи с созданием Европейского союза как единого правового пространства. Эти процессы порождают острейшую проблему соотношения международного и национального права и генерируют противоречия, в значительной степени деформирующие само понятие права.

Национальное право вызревает из собственной культуры страны, то есть системы этнических, религиозных, социокультурных компонентов, составляющих особенности данной страны. Оно в этом смысле опирается на культурную память народа. Международное право конструируется на основании теоретических моделей и идёт вслед за доминирующими в мире процессами. В настоящее время таким доминирующим основанием выступает процесс глобализации. Становится желательным и целесообразным подстраивать правовую систему отдельных государств под общие задачи экономической интеграции и становления транснационального рынка. В результате нарастания интеграционных процессов пространство применения норм международного права всё время расширяется, подминая под себя систему права отдельного государства. Особенно этот процесс усилился в результате формирования Европейского союза, ибо до этого сам статус международного права в меньшей степени носил правоприменительный характер, выступая, скорее, в качестве некой идеальной модели.

После окончания Второй мировой войны на Нюрнбергском процессе международное право явилось основанием, обеспечившим правовую легитимность осуждения фашистской Германии и её лидеров. Именно в это время, отмечает председатель Конституционного суда Австрийской Республики Герхард Хольцингер, "начался процесс конституционализации международного права" [14, с. 36], то есть придания ему обязательного характера исполнения и расширения сферы его влияния. При создании ЕС также возникла проблема корректировки национальных систем права, а потом и создания европейской Конституции как основного закона, определяющего основы всей системы функционирования союза. Это совпало по времени с процессом, когда многие государства начинали создавать или значительно обновлять собственные конституции (в частности, после распада СССР). Таким образом, всё это осуществлялось на фоне серьёзной трансформации политического ландшафта, построения локальных систем права новых государств, которые базировались на правовых традициях их собственной культуры, но в условиях совершенно иной системы сосуществования культур и коммуникационной среды, определивших невиданную степень их взаимопроникновения. Международное право начинает вмешиваться в такие структуры права, которые влияют и на принцип разделения властей, и на принцип обеспечения свободы личности, всегда выступавшие основой национальных систем права.

В связи с этим можно говорить о кризисе самого понятия конституционализма (Ю. Хабермас), так как фактически подвергается сомнению легитимность конституции конкретного государства в пользу международного права. "Из-за автономного действия права Союза, его прямого действия и его превосходства над национальным правом национальные конституции в ЕС, в том числе и австрийская, утратили функцию нормы высшего ранга, которая стоит над всеми остальными правовыми нормами и из которой могут выводиться все другие правовые нормы" [14, с. 39]. Государства, вступившие в ЕС, вынуждены значительным образом корректировать собственные национальные системы права, причём легитимность этих действий весьма неопределённа. В европейском пространстве возникает своеобразный "конституционный дуализм", когда правовая структура опирается на две системы правопорядка – национального (отличающегося в каждом государстве Европы) и создаваемого европейского, который должен быть общим для всех.

Евросоюз изначально стремился к созданию единой европейской Конституции, которая закрепила бы правовые нормы и принудительность их исполнения для всех стран, входящих в ЕС. Пока это не удалось, но элементы принудительности данных норм уже присутствуют в целом ряде действующих договоров ЕС. В результате возникает противоречие: "С одной стороны, право Союза имеет приоритет в отношении конституций отдельных государств, с другой – оно признаёт принципы конституционного государства (основные права, свободу, демократию, равенство, правовую государственность), составляющие масштаб правомерности всего права, созданного органами ЕС" [14, с. 37]. Возникает проблема правоприменимости, и примат отдаётся международному праву по отношению к праву конкретного государства, причём в обязательной форме. Граждане собственной страны, которые не нарушили основной закон или отдельные конституционные

нормы, могут подпадать под юрисдикцию права ЕС. Более того, это право действует по принципу "self-executing" – немедленно, фактически игнорируя национальное право. Но национальное право – не просто теоретическая выдумка, и, как подчёркивает председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, необходимо понимать, что за разрушением национального права неизбежно последует разрушение государства и его суверенитета, в том числе и территориального [15].

Эта проблема затрагивает целый ряд основополагающих принципов современной демократии. Подвергается сомнению и фактически отрицается принцип "воли народа" как первичного и определяющего фундамента Конституции. Воля народа – всегда воля конкретного народа, то есть народа того или иного государства. Этот принцип входит в большинство конституций мира. Со времён знаменитого Геттисбергского обращения Авраама Линкольна (1863) – это первая строка преамбулы Конституции США; в Германии – это понятие германского народа "как конституирующей власти", что и определяет распространение закона на весь германский народ; в австрийской Конституции записано, что "её право исходит от народа"; во Франции – "народ торжественно провозглашает"; в России – народ определяется как единственный источник власти. Таким образом, легитимное право, обоснованное волей народа, в случае его подчинения более общей системе, например, системе права ЕС, которая является не в полной мере легитимной, может нанести урон всей системе демократических принципов, реализующихся именно как воля конкретного народа.

Деформируется принцип демократичности принятия решения, ибо фактически он исходит из решений бюрократических органов ЕС. "Демократический принцип затронут в том смысле, что действия Союза не зависят только от воли австрийского народа, более того, могут наступать без или вопреки воле Австрии, и тем не менее иметь свои последствия и для Австрии, – с преимуществом перед национальным правом" [14, с. 38, 39]. Такое вмешательство в суверенитет других стран вызывает и будет вызывать протесты.

Дуализм правовой системы порождает сложнейшие проблемы правоприменения. В большинстве стран Европы доминирует принцип представительной, а не прямой демократии, которая "трансформирует демократическую идею самоуправления" [14, с. 42] в более эффективную форму управления, способную принимать решения. В обычной правовой системе закон выполняет важную ограничительную функцию. С одной стороны, он ограничивает полномочия государственной исполнительной власти, а с другой – позволяет реализовывать волю народа. Поэтому "нормативное укрощение политической власти посредством права, – утверждает Ю. Хабермас, – возможно только внутри границ суверенного государства, т.е. государства, которое в своём существовании опирается на способность к самоутверждению через насилие" [16, с. 104]. В системе права, складывающейся в ЕС, на уровне применения законов возрастает роль судебного чиновника, действующего от имени международного права, что порождает волюнтаризм в принятии судебных решений и усиление значимости судебной власти. Парадокс ситуации усугубляется тем, что на национальные суды возлагается ответственность за применение союзного права, то есть гипотетически они могут привлекать к ответственности гражданина собственной страны, который действовал, не вступая в противоречие с законами своей страны. Легитимность данной ситуации с правовой точки зрения весьма сомнительна или, по крайней мере, требует значительной проработки.

Кроме того, такого рода взаимоотношения международного и национального права значительно увеличивают роль и активность самих законодательных органов, создающих огромное количество нормативных документов с целью приведения в соответствие норм правоприменения и адаптации множества национальных систем права к общей законодательной базе Европейского союза. Такой «"поток норм" представляет серьёзную угрозу правовому государству, поскольку правовой порядок может достичь такой величины, что станет необозримым для граждан и не сможет эффективно исполняться государственными ведомствами» [14, с. 44].

Таким образом, сегодняшние изменения в мире не могут быть сведены лишь к анализу экономического развития в качестве их доминирующего фактора. Происходит, как мы отметили в начале статьи, глобальная трансформация всей человеческой культуры. Возникают масштабные коммуникационные системы, которые не только изменяют сам характер общения между индивидами, но и порождают совершенно иные формы общественной коммуникации как на уровне хранения и ретрансляции информации, так и на уровне возникающих возможностей её использования, в том числе и в целях манипуляции сознанием. Это в свою очередь оказывает влияние на формы общественного сознания – от индивидуального и массового сознания до политики, искусства, науки и философии. Культура переходит от состояния сложной системы как совокупности локальных культур, отличающихся друг от друга, к более жёсткой единой интегративной системе, скрепами которой выступают задачи объединения экономических и – как следствие – политических векторов развития [2].

В процессе становления глобального коммуникационного пространства изменяются принципы и способы функционирования и взаимодействия культур. Происходит трансформация

культуры как направленный процесс внутреннего изменения системы, реализуемый за счёт встраивания в неё чужеродных элементов, не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих её работать иным образом. Это аналогично процессу трансфекции клетки, когда в неё встраивается фрагмент чужеродной ДНК. Глобальное коммуникационное пространство, в которое погружены локальные культуры, выступает фактором её "инфицирования". Здесь культуры почти в буквальном смысле атакуются "медиавирусами" (Д. Рашкофф), и наибольший эффект достигается в тех местах, где ослаблен "культурный иммунитет". Культура получает инфекционное заражение через внедрение в неё культурных стереотипов, не вытекающих из её истории и особенностей функционирования. Современные масс-медиа трансформируют коммуникацию: она оказывается не фоном, фиксирующим события, а своеобразным стержнем современной культуры, подчиняет и формирует особенности восприятия информации, а значит, оказывает влияние на механизмы смыслообразования. Культуры погружаются в единое глобальное коммуникационное пространство, которое вынуждает их функционировать по иным коммуникационным законам. Это способствует расширению псевдокультурного поля общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, общедоступные, то есть наиболее простые компоненты. Кстати, именно этот фактор проявляется и в попытках выработать некоторые глобальные критерии, например научной деятельности, в виде преимущественного цитирования на английском языке, что может явиться долгосрочным фактором, разрушающим национальную культуру.

Нарушается пропорция между высокой и низовой культурой. Последняя становится массовой не только по количеству вовлечённых в неё субъектов, но и по упрощённому качеству потребляемого продукта, в результате чего доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этих условиях возникает феномен поп-культуры как доминирование низовой культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам коммуникации. Поп-культура – прекрасная среда для распространения медиавирусов [17], и в пределах этой среды творчество подменяется его симуляцией, направленной на создание псевдообразов, симулякров. Имитация выступает не просто временной подменой реального смысла, реального события, а занимает место реальности в сознании общества и человека.

Следствием глобализации, – и здесь нельзя не согласиться с А.С. Панариным, – является возникновение обратных процессов национальной дезинтеграции [18]. Народы и государства не хотят отказываться от ценностей собственной культуры, не хотят утратить свою идентичность в потоке глобальных ценностей. Глобализация с её навязыванием собственной системы права и собственной системы ценностей, реализующая свои "императивы" в условиях глобального коммуникационного пространства, может породить тоталитаризм нового типа, по определению ряда авторов – Глобальную Империю с совершенно уникальными возможностями манипуляции сознанием как отдельного человека, так и общества в целом [19]. Демократия как механизм принятия решений, значительно усиленная новейшими медийными технологиями, как это ни парадоксально, может способствовать закреплению форм нового тоталитаризма. А формой проведения, внедрения этого типа тоталитаризма оказываются как раз юридические конструкции, часто выстраиваемые как системы законов и норм, создающих своеобразные "правовые туннели", в которых правовые нормы, будучи, по сути, лишь юридическими конвенциями, претендуют на роль истины в последней инстанции. Правоведы склонны смешивать норму права с истиной, хотя само существование многообразных систем права лишь доказывает неправильность такого подхода. По мысли Монтескье, власть народа не тождественна его свободе, а Б. де Жувенель писал, что "можно путём разумной организации институтов обеспечить каждому реальную гарантию произвола от Власти. Но нет таких институтов, которые позволили бы заставить каждого участвовать в осуществлении Власти, потому что Власть есть повелевание, а все повелевать не могут. Поэтому суверенитет народа – всего лишь фикция, и притом фикция, в конечном счёте губительная для личных свобод" [20, с. 346].

В этих условиях резко возрастает значение философского анализа как культуры в целом, так и таких культурных образований, как политика, право или экономика. Именно философия, воспроизводя "доминирующие смыслы культуры" (В.С. Стёпин), конструирует модели общества и его развития. Поэтому, с одной стороны, она выполняет своеобразные охранительные культурные функции, что является важным фактором стабильности культуры, а с другой – стремится "выйти за рамки своей культурной традиции и сконструировать такие смысловые категории, которые адресованы не настоящему, а будущему" [21, с. 63]. В этом смысле философия всегда выступает как форма наиболее критического отношения к действительности. Нередко это делает её

неудобной для власти, так как “философское познание способно генерировать новые мировоззренческие смыслы и тем самым вносить мутации в культуру, подготавливая кардинальные изменения социальной жизни” [22, с. 214]. Но эта особенность философии делает её важнейшим аналитическим инструментом в сложные периоды развития общества, когда происходит смена культурных парадигм, возникают новые ценностно-этические проблемы, осуществляется переход на новые технологические ступени развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хелд Х., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М.: Праксис, 2004.
2. *Миронов В.В.* Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.
3. *Mironov V.V.* Reflections on the reform of education // Russian Journal of General Chemistry. 2013. V. 83. № 6. P. 1212–1225.
4. So liberal wie nur möglich // Magazin Deutschland. Forum für Politik, Kultur und Wissenschaft. 2014. № 2. S. 52–54.
5. *Миронов В.В.* Германия на путях трансформации: опыт социально-экономического анализа // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 137–143.
6. *Hecht A.* Die Wissenschaftselite Ostdeutschlands, Feindliche Übernahme oder Integration? Leipzig: Verlag Faber&Faber, 2002.
7. *Штыков П.* Исследования трансформационных процессов в Восточной и Центральной Европе: шок и шанс для социальных наук объединённой Германии // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. В 2-х томах / Ред.-сост. П. Штыков, С. Шваниц; науч. ред. В. Гельман. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. СПб., М., Берлин: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2003. С. 10–38.
8. *Миронова Д.* Политическая философия. М.: Изд-во МГУ, 2014.
9. *Данн О.* Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб.: Наука, 2003.
10. *Райсиг Р.* Исследования трансформации: достижения, насущные проблемы и перспективы // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. В 2-х томах / Ред.-сост. П. Штыков, С. Шваниц; науч. ред. В. Гельман. Т. 2. Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. СПб., М., Берлин: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2003. С. 370–410.
11. http://www.stern.de/politik/deutschland/2-deutsche-einheit-jeder-fuenfte-will-diemauer-zurueck-529441.html
12. *Зюскинд П.* Германия, климакс // Иностранная литература. 1999. № 6. С. 257–262.
13. *Поллак Д.* Конец организованного общества. Рассуждения о кардинальных общественных изменениях в ГДР в свете системной теории // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. В 2-х томах / Ред.-сост. П. Штыков, С. Шваниц; науч. ред. В. Гельман. Т. 2. Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. СПб., М., Берлин: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2003. С. 232–263.
14. *Хольцингер Г.* Конституционное государство в Европейском союзе // Современный конституционализм: вызовы и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 20-летию Конституции Российской Федерации. Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г. / Отв. ред. В.Д. Зорькин. М.: Норма, 2014. С. 36–45.
15. *Зорькин В.Д.* Проблемы конституционно-правового развития России // Современный конституционализм: вызовы и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 20-летию Конституции Российской Федерации. Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г. / Отв. ред. В.Д. Зорькин. М.: Норма, 2014. С. 5–24.
16. *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008.
17. *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра. Культура, 2003.
18. *Панарин А.С.* Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник РАН. 2004. № 7. С. 619–632.
19. *Хардт М., Негри А.* Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004.
20. *Жувенель Б. де.* Власть. Естественная история её возрастания. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011.
21. Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию В.С. Стёпина / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2004.
22. *Стёпин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.